

ЭО, 2010 г., № 1

© Н.В. Богатырь

РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ ЖАНРА: БАРБАРА ЧАРНЯВСКА, ГИБРИДНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ И АНТРОПОЛОГИЯ

Профессор Гетеборгского университета Барбара Чарнявска и исследования организаций (organization studies), которые она представляет, знакомы немногим российским антропологам: автора у нас переводили мало (*Чарнявска, Генель* 2007), а дисциплину не принято рассматривать как близкую к антропологии. Влияние же антропологии на формирование этого направления, возникшего на границах административного управления, теории систем, социологии и психологии, за последние 30 лет дважды оказывалось решающим.

В начале 1980-х годов, когда стало очевидным растущее разнообразие организаций, именно антропология и ее классическая метафора “культуры” помогли исследователям новых феноменов справиться с неопределенностью. Уподобление организации культуре позволило не просто сделать малоизвестное более понятным (“офис – это деревня”, “сотрудники – это племя”)¹, но, что более важно, применить к исследованию современных организаций этнографические методы.

Полевая практика довольно скоро обнаружила необходимость перенастройки этнографического инструментария, поиска новых подходов и метафор. И здесь союзником исследователей организаций выступил уже не антропологический мейнстрим, а такое же формирующееся междисциплинарное направление – Science and Technology Studies (STS), главными объектами исследования в котором были современные технологии и научные лабораторные практики (*Czarniawska* 2009). Его наиболее влиятельным течением стала Actor-Network Theory (ANT)². В основу STS/ANT легли классическая антропологическая теория и этнографические методы (не случайно на этапе становления эту дисциплину нередко называли “антропологией науки и техники” и “этнографией лабораторий”)³. Сохранилась и характерная для антропологии второй половины XX в. ориентация на лингвистику и лингвистические аналогии, хотя вдохновителями оказывались другие фигуры⁴. Визитной карточкой STS стали инновационные методы полевой работы и стилистическая изощренность научных отчетов. Как отметил Бруно Латур в статье “Политики объяснения: альтернатива”, “рефлексивный характер нашего направления в будущем будут узнавать по разнообразию жанров, а не по скучному присутствию рефлексивной петли” (цит. по: *Czarniawska* 2009: 159)⁵.

Особенности исследовательской позиции Барбары Чарнявски (а также ее отношения с антропологией) становятся понятнее в биографическом контексте. По ее собственному признанию, желание “понять, как люди живут или жили” в начале 1970-х годов привело ее в психологию. Однако вскоре выяснилось, что эта наука интересуется детьми, стариками и людьми с психологическими проблемами; работающее большинство человечества в то время почти не попадало в ее фокус. Обратившись за ответами о жизни людей к экономике, молодая исследовательница обнаружила, что эта наука имеет дело с абстрактными моделями экономического поведения, в которых нет

места пространству и времени. Поэтому следующий выбор пал уже на гибридную дисциплину – исследования организаций. Характеризуя свою карьеру как случайную (*incidental career*), Чарнявска называет себя креолизованным исследователем (*creole researcher*), девиз которого – постоянное пересечение дисциплинарных границ (*Idem* 2007a).

Одна из основных проблем междисциплинарных исследований связана с коммуникацией участников, перед которыми открывается, как минимум, два пути: а) довериться знанию коллег из других дисциплин, не пытаясь их понять, и б) выработать для проекта упрощенный язык – пиджин, который, возможно, будет шокировать пуристов, но позволит совместно решать сложные гибридные задачи. Чарнявска, как и STS-исследователи (среди которых – антропологи, социологи, историки, философы, биологи, инженеры), сторонница второго пути. И он ведет к тому, что Барбара Чарнявска, пользуясь терминологией социолога Ричарда Брауна, называет “растягиванием жанра” (*stretching*). Растягивание жанра – это поиск новых значений, постоянная смена перспективы, использование полисемии языка, иронии и метафор, это периферийное движение, противоположное работе мейнстрима по уплотнению жанра (*thickening*) – кодификации и выработке правил репрезентации, в результате которых появляются более традиционные тексты. Уплотнение и растягивание – движения взаимосвязанные (плотный жанр придает вес растянутому; растянутый – обновляет и оживляет плотный (*Ibid*). Профессору Чарнявски, как представляется, прекрасно удаются обе эти работы, но сама она, несомненно, предпочитает растягивание. Как она делает это, пересекая, например, границы антропологии?

Об одном из своих ориентиров в антропологической теории – Рэймонде Фёрсе – Чарнявска упоминает в представляемом тексте. Однако ближе для нее оказалась позиция ученика Фёрса, сэра Эдмунда Лича, объединившего структурализм и процессуализм. Не случайно в качестве своей главной амбиции она называет преодоление реифицирующего подхода к организации, превращения ее в “вещь” с четкими границами и окружением, к которому та “адаптируется” (*Idem*: 158). Для Чарнявски “организация – это *система коллективного действия* (курсив оригинала. – Н.Б.), призванная оказывать влияние на мир (ту его часть, которая релевантна для данной организации). Содержание действия – это смыслы (*meanings*) и вещи (артефакты). Одна система коллективного действия отличается от другой характером смыслов и продуктов, которые данной организации социально атрибутируются” (*Czarniawska-Joerges* 1989: 3)⁶.

Вместе с тем, если антрополог Лича “тренирует свое художественное воображение” на арене, которая представляет собой “жизненное пространство небольшого сообщества людей”, большая часть ежедневных коммуникаций которых “зависит от взаимодействия лицом к лицу”, то теперь “все больше людей проводят большую часть своих жизней в не столь малых сообществах, где коммуникация, сохраняя свою центральную роль, осуществляется не лицом к лицу, а посредством других интерфейсов”, и антрополог организаций тренирует свое художественное воображение в более сложных сообществах, связанных организационной коммуникацией – как непосредственной, так и опосредованной высокими технологиями (*Czarniawska-Joerges* 1989: 9)⁷. Сложной (*complex*) организация становится тогда, когда исследователь не может охватить ее (чувственно или мысленно) целиком. А поскольку проследить сеть коммуникаций даже очень небольших современных организаций далеко не просто, то, вероятно, сложность – это качество практически любой организации, как правило, связанной со множеством других организаций и рынков.

Сейчас, когда изучение повседневности в контексте трех глобальных феноменов – технологий, рынков и сложных организаций – из революционной повестки дня антропологии (*Marcus, Fischer* 1999; *Callon, Caliskan* 2005) постепенно переносится в ее мейнстрим (*Metcalf* 2005: 159; *Fischer* 2009)⁸, возможно, пришло время воспользоваться давним советом Дж. Маркуса и М. Фишера: “Особенный интерес представляет

использование этнографических методов не-антропологами... Некоторые антропологи чувствуют себя неуютно от того, что им кажется слишком свободным присвоение методов и концептов, которые они считают своими... Однако для антропологов гораздо продуктивнее, уступив современной гипертекучести информации и связанной с ней реконфигурации устоявшихся дисциплин, включить лучшие из этих заимствований в новые модели работы для себя, т.е. использовать эти захваты как подсказки к тому, как можно систематически перестроить этнографическую традицию в новых условиях” (Marcus, Fischer 1999: xix–xx). И Барбара Чарнявска, несомненно, из тех исследователей, кто в этом непростом предприятии сможет оказать антропологам очень серьезную помощь.

Примечания

¹ Со временем дисциплиной были найдены собственные подходы к изучаемым феноменам и прямолинейные метафоры сохраняются, пожалуй, только в популярной литературе об организациях (напр., Wilcock 2004). При этом для исследований организаций характерно отсутствие доминирующих теорий и типов объяснения: одни авторы продолжают ориентироваться на популярные в 1960-е годы теорию открытых систем и теорию обстоятельств (contingency theory), для других источником вдохновения становятся искусство, теория литературной критики, гуманитарные науки; общей остается только установка на междисциплинарность (Czarniawska 2007a: 62).

² Основатели actor-network theory неоднократно подчеркивали, что ANT – не теория, а подход, совокупность методологических инструментов для этнографического описания того, как создаются, поддерживаются и изменяются связи гетерогенных акторов, а ставший общепринятым акроним – это результат неудачного перевода малоизвестных англоязычному миру в начале 1980-х годов концептов французской теории (так актант, обозначающий любое человеческое или нечеловеческое действующее лицо, превратился в актора (actor), а reseau – в сеть (network)).

³ О роли этнографии в развитии STS см. обстоятельную статью Дэвида Хесса (Hess 2007).

⁴ Так, истоки одного из ключевых для ANT концепта перевода (translation) восходят не к идеям сэра Эдварда Эванса-Приггарда (Barnard 2004: 160–161), а к работам французского философа, писателя и историка Мишеля Серра, а понятие актанта как “дискурсивной единицы, наделенной ролью”, заимствовано Бруно Латуром из нарратологии Альгирдаса Греймаса.

⁵ С конца 1990-х годов STS-исследователи выходят далеко за пределы лабораторий: самой шумевшей стала экспансия ANT в версии французского социолога Мишеля Каллона на предметное поле новой экономической социологии и формулирование им принципов антропологии экономизации. Кроме того, идеи STS/ANT дают повод для теоретической и методологической рефлексии социальным исследователям из разных областей. Один из теоретиков междисциплинарного подхода в антропологии, Джордж Маркус, в интервью аргентинскому журналу “Потлач” заметил: “[Л]итература science and technology studies стимулировала меня в последние годы больше других, хотя мои собственные исследования не связаны ни с наукой, ни с технологией” (Marcus 2008: 12), другой – Майкл Фишер – с 1993 г. занимает пост профессора антропологии и STS в Массачусетском технологическом институте.

⁶ Это объясняет, почему в своей антропологии организаций Чарнявска заменяет акторскую сеть (actor-network) на сеть действия (action-network).

⁷ О “растягивании” методов полевой работы антрополога организаций, напр., см.: Czarniawska 1989, 2007b.

⁸ Так, в крупных компаниях все чаще появляются штатные антропологи, а “Intel” в 2004 г. сообщил, что его расходы на этнографические исследования составили около 5 млрд долл. По мнению Фишера, именно на корпоративной арене, которая составляет “стволовые клетки для регенерации этнографической жизни”, сейчас активно развиваются и трансформируются исследовательские методы (Fischer 2009: 237).

Литература

Чарнявска, Генель 2007 – Чарнявска Б., Генель К. В поход за покупками? Университеты на пути к рынку / Пер. с англ. И. Павлюткина, О. Худолий // Экономика университета: институты и организации. М., 2007. С. 128–158.

- Barnard* 2004 – *Barnard A.* History and Theory in Anthropology. Cambridge, 2004.
- Callon, Caliskan* 2005 – *Callon M., Caliskan K.* New and Old Directions in the Anthropology of Markets // Peper presented at the conference on New Directions in the Anthropology of Markets, Wenner-Gren Foundation. N.Y., 2005.
- Czarniawska* 1989 – *Czarniawska B.* A Narrative Approach to Organization Studies. L., 1989.
- Czarniawska* 2007a – *Czarniawska B.* On Creole Researchers, Hybrid Disciplines, and Pidgin Writing // Conference Paper “INTER: A European Cultural Studies Conference in Sweden”, organised by the Advanced Cultural Studies Institute of Sweden (ACSIS) in Norrköping 11–13 June 2007 (<http://www.ep.liu.se/ecp/025/008>)
- Czarniawska* 2007b – *Czarniawska B.* Shadowing and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies. Malmö, 2007.
- Czarniawska* 2009 – *Czarniawska B.* STS Meets MOS // Organization. 2009. Vol. 16 (1). P. 155–160.
- Czarniawska-Joerges* 1989 – *Czarniawska-Joerges B.* Preface: Toward an Anthropology of Complex Organizations // International Studies of Management & Organizations. 1989. Vol. 19. № 3. P. 3–15.
- Fischer* 2009 – *Fischer M.M.J.* Emergent Forms of Life in Corporate Arenas // Ethnography and the Corporate Encounter: Reflections on Research in and of Corporations / Ed. M. Cefklin. N.Y., 2009. P. 227–238.
- Hess* 2007 – *Hess D.J.* Ethnography and the Development of Science and Technology Studies // The Sage Handbook of Ethnography / Eds. P. Atkinson, A. Coffey, S. Delamont, J. Lofland, L. Lofland. 2nd ed. Thousand Oaks, CA., 2007. P. 234–245.
- Marcus* 2008 – *Marcus G.* The End(s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology’s Signature Form of Producing Knowledge in Transition // Cultural Anthropology. 2008. Vol. 23. Issue 1. P. 1–14.
- Marcus, Fischer* 1999 – *Marcus G., Fischer M.M.J.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. 2nd ed. Chicago; L., 1999.
- Metcalfe* 2005 – *Metcalfe P.* Anthropology: The Basics. L.; N.Y., 2005.
- Wilcock* 2004 – *Wilcock K.* Hunting and Gathering in the Corporate Tribe: Archetypes of the Corporate Culture. N. Y., 2004.

ЭО, 2010 г., № 1

© Б. Чарнявска

ПРОЦЕСС ОРГАНИЗАЦИИ: КАК ЕГО ИЗУЧАТЬ И КАК ПИСАТЬ О НЕМ*

Ключевые слова: этнография организаций, антропология организаций, организационный анализ, организационный процесс, полевые методы, полевая работа, исследование

Плодотворная встреча с антропологией

Когда Элиот Жак (*Jaques* 1951) из Тавистокского института¹ опубликовал свое диссертационное исследование, озаглавленное “Изменяющаяся культура предприятия”, это выглядело смелой метафорой. Правда, некоторые антропологи стали проводить исследования организаций: так, Гарри Уолкотт (*Wolcott* 1973/2003) сопровождал²

Барбара Чарнявска (Czarniawska) – профессор Гетеборгского исследовательского института Школы бизнеса, экономики и права Гетеборгского университета (Гетеборг, Швеция)

* *Czarniawska B.* Organizing: how to study it and how to write about it // Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal. 2008. Vol. 3. № 1. P. 4–20.